

НАШИ, НАШИ, СЕРЫЕ ШИНЕЛИ...

Вожатый младших отрядов Геннадий был личностью неординарной и противоречивой. Обладая ясным умом, он мог придумать что угодно, выдавая идеи нагора, словно известный шахтер Стаханов, работавший отбойными молотками с двух рук одновременно. В жизни он мог достичь и достигал многого. Однако, он еще был и философ, который заблудился в вопросе: «Что первично – духовное или материальное?»

Поступив в Московский авиационный институт, он бросил его, потому что подвернулась халтура - красить крыши, за которые можно было прилично заработать.

Поучая меня, более молодого, премудростям жизни, он советовал, что для любви нет лучше женщин, чем продавщица, особенно вино-водочного отдела. У нее есть все: деньги, закуска и выпивка. При этом мог очень тонко любить одну женщину, в чем не уступал ни героям Шекспира, ни Петrarки.

И пока в его молодых мозгах кипели страсти и боролись самые неожиданные противоречия, он откровенно разгильдяйствовал, позволяя увлекаться дешевым вином в компании дружков своего района.

Следуя по стопам своего отца, он пошел работать в Институт, где его и вычислили активисты комитета комсомола и направили на работу в пионерский лагерь.

Творческая личность, Геннадий и здесь нашел применение своим способностям, но, не сумев перебороть привычек, меж вожатых сыскал прозвище Байкальского

Силена, т.е. толстенького помощника Бахуса, охочего до развлечений, напитков и проказ. А «Байкальский» - да просто жил он у кинотеатра «Байкал»! Для кратости, про-износя его имя, обычно меняли последнюю букву, и это сразу все расставляло по местам. Не родовитый Геннадий, как пишет энциклопедия, а просто Геня, непростой парень с амбициями, но свойский и немного загульный.

По крыльцу Дворца Технического Творчества прошлепали тяжелые шаги и в моей каморке за стендом «Лучшие кружковцы авиаракетного кружка», где стояли две кровати и стол, появился Геня в своих сандалетах и майке-боксерке.

- Женьк, горячее есть? – спросил он, не здороваясь, - Ты, вроде из Москвы только приехал?

- Ну, да! Только ты сухое не пьешь! Или я путаю? – ответил я.

- Не путаешь! Ты, это, придержи его подальше, а то набегут всякие, до ужина не дотянешь! – заботливо, словно опекая младшего брата, посоветовал Геня.

- Вот, скажи, почему люди такие двуличные – встретишь на стенде в Институте – он один, а в лагере – совершенно другой? – поддаваясь своему философскому началу, произнес вожатый, - Словно на картинах Гойи, в миру - господа, а по сути - уродцы в камзолах и кринолинах, - он рухнул на кровать киномеханика и взял в руки гитару. Передернув пару «блатных» аккордов, Геня, намурлыкивая в усы, запел: « А я один сидю на плинтуаре, темной ночью...»

- Женьк, - спросил он, не оборачиваясь, - а что Типа к тебе пристал с какой-то песней? Что-то новенькое, что-то пикантненькое?

- Да чего там пикантного! Просто про войну. В агитбригаде пацан один пел, я и перенял – ответил я, - Про шинели!

- Про шинели... - Геня задумался, - Про войну... А ну-

ка, спой! – и он решительно передал мне шестиструнный инструмент.

А меня не надо просить по несколько раз. Пой, значит, пою!

- Мимо русского села русская пехота, отступая к Волге шла, численностью рота... - выводил я свои рулады под перебор гитары.

Как водится, где надо, я поддавал напряжения, где надо – драматизма. Короче, сюжет без затей: Молодой солдат загляделся на хозяйку избы, где их расквартировали, а она его пожалела. Ну, конечно же, антураж там разный – время перед боем, танки вражеские, мама не дожидется сына... Все как полагается.

Одним словом, когда я закончил с остервенением рвать струны, вопя во все горло: Наши, наши русские шинели от пролитой крови почернели, - Геня серьезно посмотрел на меня.

- А что, песня неплохая! – размышляя сам с собою, протяжно изрек Геня, - Вот только Типа не поймет, если ее на конкурсе инсценированной песни поставить! А сюжет так и просматривается!

- Да ладно! Это песенка не для пионерского лагеря! – печально сказал я и отложил гитару.

- Нет, ты подожди! А давай ты ее сегодня вечером на «Пеньках» исполнишь? Вот и посмотрим на реакцию народа! Коллектив, общественное мнение – могучее, доложу тебе оружие!- и он, взяв гитару, попробовал подобрать аккорды.

- А что, мой отряд может поставить! Так и вижу, как Антипчик с хозяйкой избы любовью занимается у пулемета, а на них Нодельман на танке наезжает!- закатил он глаза.

В это время прозвучал горн на ужин, и Геня засоби-рался.

- Ладно, позже заскочу, потрем еще на эту тему! – и он

растворился за стендом «Лучшие кружковцы авиаракетного кружка».

В этот вечер граф Толмачини был особенно приветлив. Дело в том, что они со своей вожатой решили создать новую ячейку общества и на ночном сборище хотели оповестить народ о принятом решении. По случаю исторического события были произведены соответствующие закупки. Оксана, по женской линии отвечающая за мероприятие, строгала колбасу, овощи и хлеб. Сергей Толмачев расставлял пеньки, разводил костер, а приличествующие важности мероприятия напитки погрузил в бурлящие потоки речки Капаньки, компенсируя отсутствие холодильных установок.

Корпуса еще не спали, пионеры еще травили свои страшилки на ночь, а на «Пеньках» уже начиналось действо.

И хотя цель мероприятия хранилась в глубокой тайне, художник Федосини нарисовал поздравительный плакат с лебедями в небесной синеве, красными клювами застрявшими в обручальных кольцах.

Библиотекарь Наталья и кружковод Нинон изошпрились в поэтических поздравленьях, свернутых в рулончик и перевязанных красной ленточкой, что являлось приложением к плакатику.

Народ был оповещен, что сегодняшние посиделки проводятся не вскладчину, а на спонсорские деньги, поэтому, оставив на каждом корпусе по дежурному вожатому, все остальные подтянулись к «Пенькам».

Условным временем начала мероприятия, как всегда, было окончание ночного обхода, после которого начальник отправлялся в свои владенья на хоздвор, а старший вожатый с дежурным подтягивались к вожатской тусовке.

- Ну, полно уже время прожигать! Завтра всем работать! – произнес старший вожатый, приближаясь к костру. Народ оживился и приблизился к импровизирован-

ному столу, на котором стояли пластиковые стаканчики и закуска.

- А где граф? Я хочу видеть графа и его избранницу! - изрек черный как ночь и патлатый, как черт, старший вожатый.

Толмачини, как всегда неспешно и деловито взял за руку свою вожатую и приблизился к костру.

То ли цыганский табор справлял свадьбу, то ли нечисть лесная оттопыривалась, завывая в лесной глуши, о том пионеры наверняка сказать не могут, только, говорят, что Волосатое Ухо поведало им нечто, что стало предметом долгих обсуждений и страшных рассказов, из которых до нас дошли только две строчки из песни: «Наши, наши серые шинели от степного ветра почернели».

Когда главные герои вечеринки устали выслушивать поздравления, а туристские песни навеяли романтическую грусть, Геня толкнул меня в бок и властно приказал:

- Давай «Шинели»! Самое время для диАлога!

Я рванул струны и повел рассказ про простого парнишку, для которого бой с фашистами – первое испытание в его короткой жизни. А что он видел в этой жизни? А ничего! Даже влюбиться не успел, не то что жениться! Только отступление, только кровь, только война!

Собравшийся народ с интересом слушал неведомую им песню, внимательно следя за сюжетной линией, искренне переживая за пацана и предугадывая его скорую и несправедливую кончину. На припеве меня с удовольствием поддерживали суровые мужские баритоны и басы: «Наши, наши серые шинели...»

Девушки же проявляли нетерпенье, пытаясь угадать, чем же закончится довольно откровенный разговор молодого солдата и хозяйки избы, где остановилось воинское подразделение. По своему, по-бабьи, они сочувствовали «солдатику», поэтому сидели тихонько, уйдя куда-то глу-

боко в свои мысли. Может каждая из них пыталась представить себя на ее месте, а может, были другие мысли, но к финалу песни они все подобрались, глаза их отражали пламя ночного костра, а мелодия уносила в другую жизнь, которую прожили наши бабки и деды.

- На колени он упал и с хрипатым стоном эти ноги целовал, ноги русским женам... - продолжал я, все сильнее заворачивая сюжет, нагнетая драматизм и повышая накал человеческих страстей до цвета белого каления.

Вокруг не было равнодушных лиц. Было очевидно, что песня захватила, что песня повела... Слова заворачивали, сюжет щемил сердце, а припев рвал грудь.

- Наши, наши серые шинели! - пели у костра.

- От пролитой крови почернели... - словно вспоминая о прошедших здесь боях, отзывался лес.

Струна звякнула и оборвалась. Словно оборвалась жизнь молодого солдата, отдавшего жизнь за эту избу, за ее хозяйку, за вяз у плетня, за все то, что называется емкими словами «родина», «страна» и «народ».

Костер почти догорел. Над лесом появились первые светлые полосы грядущего рассвета. Как-то без слов народ стал разбредаться по корпусам. Толмачини уже давно квакнул в тину и нежился под одеялом в кровати, и только старший вожатый, художник, вожатый роты «Вперед» и мы с Геней все смотрели на тлеющие угли.

- Нет, Мамонт, вот ты скажи – хороша песня? Это вот жизнь? – с динамикой раскручивающейся турбины начал старший вожатый.

- Да уж,- теребя ус, вздохнул художник, - Танки на проселке - это веская причина, чтобы убедить женщину. Надо взять на заметку.

- А что ты хочешь, Типа? Суровая правда жизни! Девушка, вас не Эльвира зовут? А дальше подсечка, и шиньон в форточку! – улыбаясь в усы за оправой очков, выдал Мамонт.

Конечно, то ли автор слов чего-то не додумал, то ли просто не хватило таланта, но сюжет песни как-то скаптался на самую грань между откровением и пошлостью, но не перешагнул ее! Это и стало предметом дискуссии, которая могла поспорить напряжением и остротой с тем самым боем, в котором погибал молодой солдат.

- Нет, Мамонт, ты - исчадие! Да это почти откровение! Это как поэзия Николая Рубцова с его северными бабками! – наседад Типа, - До конца, до тихого креста, я клянусь - душа моя чиста! А тут – эти ноги целовал, ноги русским женам!

- Ну да, там танки немецкие к околице подкатывают, а они давай жениться, а то не успеют! – задумчиво и как бы про себя рассуждал художник, - А что, ведь правду пацан сказал – мог бы и не узнать, как это бывает с женщиной! Вот ведь и погиб! Я его понимаю!

- Ага, вы мне ее еще инсценировать порекомендуйте! – оборонялся Мамонт, которому явно не хватало того самого пулемета с околицы.

- А можно мой отряд ее инсценирует? – дождался своего часа Геня, - А что, я даже знаю, кого на главные роли назначить!

- Чушь полная! – взвился старший вожатый, - Нормально, порно по мотивам Отечественной войны в исполнении 6 отряда! Вы в своем уме?

- Анжелика и солдат! Новый кассовый фильм, произведено в «Звездочке», - продолжая похохатывать в усы, глумился Мамонт, - Тебе, Типа Районный пионерский штаб первую премию присудит за военно – патриотическое воспитание молодежи силами младших пионеров!

Видя, что Геня разочарован и потерял интерес к разговору, я тихонько взял его за руку, и мы оставили спорщиков за выяснением истины.

Прошло два часа. Рассвело. Соловьи соревновались в искусстве выводить трели, но делали это аккуратно, не перебивая друг друга. Не то что наши спорщики у костра. Солнца еще не было. Белые косматые облака зацепились за верхушку громоотвода на футбольном поле, предвещая работу лагеря по варианту мокрой погоды.

Попив электрического чайку с детскими конфетами, оставшимися от отрядного дня рожденья, я направлялся к своему авиаракетному кружку от корпуса Гени. Внезапно до моего слуха донеслась оживленная речь. Спорили где-то около умывальника третьего корпуса. Прижав покрепче гитару, я направился туда.

- Нет, Мамонт, ты все же уборище! Вот Расскажи мне, как умирать девственником! Это не пошло, нет? – рокотал как турбина ракетного двигателя старший вожатый, - А вот Валя Котик, Марат Казей и другие пионЭры-герои, что в войне погибли – это не пошло? – и он заглянул своими почти черными глазами, полыхавшими среди черной шевелюры, почти в самое сердце вожатого.

- Война, скажу тебе по секрету – это вообще страшно пошлая вещь! Другое дело, как это донести средствами искусства! Вот Лорка, Есенин – о чем бы и как не писали, а пошлость к ним не прилипла. А разговоров было сколько! – рокотал Типа.

Зажатый между умывальником и корпусом, между старшим вожатым и художником Мамонт отбивался, ретируясь к своему отряду. Порой ему это удавалось, но старший вожатый обходил его по перелескам и отсекал от спасительного крыльца.

- Что ты от меня хочешь, Типа? Что бы я с тобой согласился? Я согласен! Хочешь, что б инсценировал песню? Ладно, инсценирую! – Андрей отбивался все слабее. Силы покидали его. До подъема оставалось меньше трех часов. Как последний патрон Андрюха выдал:

- Да я даже готов припев переделать, например: «Типа, Типа – старший наш вожатый!»

- Все, Типа, я пошел в трюм! Приплыли! – сказал художник и побрел мимо футбольного поля к своему трюму в ККЗ «Лесная тишина».

- А неплохой припевчик получился – Типа, Типа, старший наш вожатый! Надо бы запомнить! – ухватился я за идею и пошел по диагонали футбольного поля досыпать последние два часа.

Не что так не дисциплинирует речь как изложение мыслей на бумагу. Еще труднее изложить их в рифму. Но когда рифмы, словно вальдшнепы из кустов сыплются отовсюду, ими перестаешь дорожить, их перестаешь замечать, а просто начинаешь говорить в рифму вслух. Для людей умеющих петь это вообще не представляет никакой проблемы.

Примерно так, или почти так думали и мы с Геней, сидя за электрическим чайником. Впитав в себя воздух пионерского лагеря, его характерную речь, дыхание, фразеологические обороты и колорит образов, мы решили, что надо бы ради забавы создать некие музыкальные зарисовки, шаржи на вожатых нашего лагеря. Но просидев два часа после описанного выше памятного для Толмачева мероприятия на «Пеньках», ничего путного создать так и не получилось. И вот, возвращаясь, я подслушал гениальную фразу Мамонта, которой предстояло стать первым из многочисленных опусов, написанных нами впоследствии.

- Геня, Эврика! Есть гениальный припев для опуса про Типу, - шепнул я непроснувшемуся вожатому в столовой на завтраке.

- Ага, мне сейчас вот только опусов не хватает! – пробубнил Геня, попутно подгоняя пионеров на выход.

- Да ладно! В Москве выписься! Ты только послушай! – и я заговорщицки надул ему в уши припев про Типу.

- Это что, «наши серые шинели», что ли? – в недоумении посмотрел на меня Геня.

- Ну, да! Они самые! Мамонт придумал, а я запомнил! – ликовал я.

- Ладно, это меняет дело! – мгновенно подобрался Геня, - Ты дуй в кружок и завари чайку покрепче, что б не уснуть, а я попробую детей оставить на вожатую, а сам к тебе!

После вечерней линейки пионеры пошли на ужин, а потом в клуб на демонстрацию очередного кинофильма. У дорожки третьего корпуса, почти у громоотвода стояла группа вожатых, что-то обсуждавших со старшим вожатым.

Подойдя к ним, мы с Геней звякнули гитарой, что бы обозначить свое присутствие.

- А вот и наши возмутители с-спокойствия пожаловали! Не то два Г-геннадия, не то д-два Евгения! Как в-вас теперь н-называть? – язвительно сострил физрук Парамошин.

- А как удобно, так и называй! – запросто парировал Геня, - Тут, до вас кое-что имеется, кстати! Музыкальная пародия, господа вожатые! Женьк, давай! – провозгласил Геня и развернул исписанные листки с текстом так, что бы мне тоже было видно.

Запомнившаяся со вчерашних посиделок мелодия песни про шинели заструилась с гитарных струн, но слова были совсем, совсем другие. Слова были про старшего вожатого, патлатого с горящим глазом черта, который крутится в пионерском лагере с энергией турбины ракетного двигателя, заводя всех и все в этом маленьком мире.

Если сначала вожатые несколько настороженно слушали распоясавшихся новоявленных бардов, то к припеву: «Типа, Типа, старший наш вожатый!» - все уже прито-

пывали ногами и прихлопывали руками. Сам объект стоял в нерешительности, не зная, как на все это реагировать.

Маленькая пародия закончилась, а Типа все стоял не двигаясь, не приняв никакого решения.

- Повторите! – потребовал он через мгновение, устремив черноту своих глаз куда-то вдаль, и два отмороженных удальца также залихватски исполнили его просьбу, только теперь к ним присоединились стоявшие рядом вожатые.

Потом последовали еще два или три повтора, после чего старший вожатый, блеснув глазом, изрек:

- А еще про кого?

- Пока только про тебя и про Парамошина! – ответствовали мы.

- Давай про Парамошина! – разрешил Типа, и мы запели.

Из клуба стали выглядывать любопытные пионеры. Чего кричим, кого зовем? Их быстро загнали обратно, чтоб не мешали.

- Да уж, жутчайший случай! – заключил старший вожатый, - Вот, Мамонт, накаркал ты! Ведь даже птицы еще спали, живых рядом ни души, а вот, пожалуйста – Типа, Типа... Волосатое Ухо какое-то, мистика! – и он пошел в третий корпус размашистой легкой походкой.

С той поры практически на большинство вожатых были написаны пародии, которые исполнялись почти на каждых ночных посиделках и превратились в своего рода народный эпос, типа Калевала. А первый опус про Типу на мотив песни «Наши серые шинели», так и остался началом устного народного творчества обитателей пионерского лагеря «Звездочка», поющих про самих себя.

Саму песню про шинели уже никто и не помнит, но опус про старшего вожатого бодрит воображение и заводит и по сей день!

Типа, Типа, старший наш вожатый!